Ненастоящая тюрьма.

„Пров 4

* * *

НОВЫЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

Лѣсъ рубятъ.

„Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ".

Лѣсъ рубятъ . . . молодой еще, зеленый лѣсъ,
А сосны старыя, нахмурившись, стоятъ себѣ угрюмо
И, полныя неразрѣшенной думы,
Печально такъ глядятъ въ нѣмую даль не-небесъ. . .

* * *

Лѣсъ рубятъ . . . оттого, что рано зашумѣлъ,
Что шумомъ радостнымъ будилъ онъ всю природу,
Что молодой листвой онъ слишкомъ смѣло пѣлъ
Про солнце ясное, про счастье, про свободу.

* * *

Лѣсъ рубятъ . . . но земля укроетъ сѣмена,
Пройдутъ года, и мощной жизни силой
Подымется борцовъ зеленая стѣна
И зашумитъ надъ братнею могилой. . . .

I.

Снова я слышу родную „лучину“.
Сколько вней горя, страданья и слезъ!
Видно, свою вѣковую кручину
Пахарь въ нее перенесъ.

Сидя за прялкой въ осеннюю вьюгу,
Пѣла, быть можетъ, крестьянка въ тиши
И повѣряла той пѣснѣ, какъ другу,
Жгучую скорбь наболѣвшей души.

Полно! Довольно про горе ты пѣла. . .
Прочь этотъ грустный унылый напѣвъ!
Надо, чтобъ пѣсня отвагой гремѣла,
Въ сердцѣ будила спасительный гнѣвъ!

Зрѣетъ въ народѣ могучая сила.
Край нашъ стоитъ на широкомъ пути.
То, что страдалица мать выносила,
Сынъ богатырь не захочетъ снести.

Мысли живой не задушитъ въ немъ голодъ,
Силъ молодыхъ не надломитъ борьба,
Смѣло возьметъ онъ тяжелый свой молотъ
И разобьетъ имъ оковы раба.

II.

Смѣлый, друзья, идемъ впередъ,
Будя въ сердцахъ живое пламя!
И наше дѣло не умретъ,
Не сломятъ бури наше знамя!

Побѣды ужъ недолго ждать!
Проснулась мысль въ средѣ рабочихъ,
И зрѣетъ молодая рать
Въ нѣмой тиши зловѣщей ночи.

Она созрѣетъ . . . и тогда,
Стряхнувъ, какъ сонъ, свои оковы,
Подъ краснымъ знаменемъ труда
Проснется Русь для жизни новой.

Л. П. Радинъ.

Изъ Петропавловской крѣпости.

Спи, сосѣдка! До свиданья!
Спи-же, баюшки-баю!
Спи, сосѣдка! На прощанье
Пѣсню я тебѣ спою.

За красавицей Невою
Крѣпость старая видна
И гранитною стѣною
Вся она обнесена;
Блещетъ крестъ подъ облаками,
Ангелъ держитъ этотъ крестъ;
Раннимъ утромъ, вечерами
Раздается благовѣстъ.
Двухъ апостоловъ Христа
Носитъ имя этотъ храмъ
Старый — Павла и Петра;
Нѣкогда они врагамъ
Правду смѣло говорили
Къ братству и любви взывали. . .
Ихъ въ темницу заточили
Смерти ихъ враги предали!
Шли они противъ закона,
Освященнаго вѣками,
Благороднаго патрона
Унижали предъ рабами.
И народъ съ благоговѣньемъ
Входитъ въ этотъ старый храмъ,
И лампадамъ и куреньямъ
Нѣтъ конца, числа свѣчамъ. . .
А за церковью стоитъ
Двухэтажный бастіонъ;

Вѣчно онъ какъ будто спитъ,
Вѣчно тихъ и мраченъ онъ;
Незамѣтно въ немъ движенья,
Часовые тамъ стоятъ. . .
Это замокъ заключенья, —
Тамъ преступники сидятъ. . .
Шли они противъ закона,
Освященнаго вѣками,
Благороднаго патрона
Унижали предъ рабами. . .
Спи, сосѣдка! Спи дружокъ!
Спитъ вокругъ тебя глубоко
Этотъ маленькій мірокъ,
Здѣсь живущій одиноко.
Толсты стѣны! Не встревожитъ
Ихъ покоя сновидѣнье
И обидѣть ихъ не можетъ
Никакое оскорбленье.
За рѣшеткою спокойно
Съ голубкомъ голубка спитъ.
Вѣдь они живутъ привольно, —
Что покой ихъ нарушитъ?
Что для нихъ людское горе?
Что для нихъ людскія страсти?
Что для нихъ твое былое?
Что для нихъ твои несчастья?

Сторожъ нашъ, старикъ сѣдой,
Утомившись, тоже спитъ,
Дорожа ночной порой.
Слышишь, громко какъ храпитъ!
Онъ стоитъ ужъ у могилы,
Онъ прошелъ свой путь земной;
Для чего жъ младыя силы
Душитъ онъ своей рукой?
А ему какое дѣло?
Службу онъ свою несетъ!
И въ ближайшій праздникъ — смѣло
Въ храмъ апостольскій войдетъ.
Спи, сосѣдка дорогая!
Спи, голубка! Бай-баю!
Всей душой своей, родная,
Я съ тобой, тебѣ пою!

ОПРИЧНИКИ не умерли! Опричники живутъ!
На площади съ нагайками чинятъ кровавый судъ.
Враждой нечеловѣческой горитъ безстыдный взоръ,
Псы царскіе, псы алчные врываются въ соборъ.

* * *

Опричники не умерли! Самъ царь трубитъ
походъ,
Расправы дикой, варварской позорно ждетъ
народъ.
Увы! погибъ цвѣтъ юности, оборванъ злой
рукой!
Святою кровью юношей царь мнитъ купить
покой.

* * *

Опричники не умерли! Умрутъ они! Умрутъ!
Воспрянетъ юность смѣлая, воздастъ злодѣямъ
судъ . . .
Обильной жатвы мщенія созрѣютъ сѣмена,
За каждый стонъ страдальческій воздастъ враг-
амъ страна.

Это стихотвореніе издано Петерб. Ком. Росс. С.-д. Раб. Партіи.

---

* * *

(Посвящается Л. Н. Толстому.)

Я слышу звукъ его рѣчей:
Среди всеобщаго смятенья
Великій старецъ нашихъ дней
Зоветъ на путь непротивленья.

„Зачѣмъ насилье надъ врагомъ,
„Побѣда, купленная кровью?
„Не лучше-ль намъ въ борьбѣ со зломъ
„На зло — откликнуться добромъ,
„На ненависть — любовью?
„Пусть страшенъ врагъ, пусть дологъ путь,
„Но вѣрю я: настанетъ время —
„И расцвѣтетъ когда нибудь
„Любовью брошенное сѣмя!“
Простыя, ясныя слова,
И, кто проникся ихъ лучами
Какъ бы коснулся божества
И говоритъ его устами.
Предъ этой ясной простотой
И я склонялъ свои колѣни, —
Но предо мной встаютъ толпой
Другіе образы и тѣни:
Тамъ, гдѣ предъ грознымъ палачемъ
Народъ смиренно спину клонитъ,
И подъ ярмомъ, и подъ бичемъ
Безсильно падаетъ и стонетъ,
Тамъ, гдѣ страданьямъ нѣтъ числа,
Гдѣ попираются отъ вѣка
Пятой ликующаго зла
Права и чувства человѣка,
Гдѣ мысль униженно молчитъ,

Сложивъ безпомощныя крылья,
И духъ возстанія убитъ
Отравой рабскаго безсилья, —
Тамъ, тамъ! не проповѣдь любви,
Тамъ нуженъ мощный кличъ возстанья,
Чтобы зажечь въ людской крови
Святой огонь негодованья,
Тамъ нужно ненависть борца
Вдохнуть въ застывшія сердца,
Давно привыкшія къ смиренью,
И въ часъ возмездья роковой
Забить въ набатъ — и звать на бой
Къ освобожденью! . . .

Изъ пѣсенъ бутырцевъ.

(19 февраля 1902 года.)

Мы не борцы. Мы только тѣнь борцовъ,
Упавшая отъ солнца за горами;
Мы лишь гонцы грядущихъ въ міръ творцовъ,
Богатыхъ мыслію и знаньемъ, и дарами;
Мы только ласточки, оставившія югъ,
Чтобъ возвѣстить природы обновленье.
Мы только вѣсть несемъ, что кончился недугъ
И что врачи сулятъ больной выздоровленье.

Быть можетъ сгубитъ насъ морозъ февральскихъ дней,
Но онъ законъ временъ текущихъ не измѣнитъ,
И жалкій блескъ искусственныхъ огней
Сіяніе весны тепломъ своимъ замѣнитъ.

ИЗДАЛИ.

(Сказки и пѣсни уединеннаго пошехонца.)

Всякій разъ, уѣзжая за дальній рубежъ,
Покидая столичную плѣсень,
Я и молодъ опять, и отваженъ, и свѣжъ,
Жажду вольнаго смѣха и пѣсенъ.
Вотъ — послѣдній жандармъ: подозрительный взглядъ;
Вотъ — чиновники, будто прокисли!
Ахъ друзья! Вѣдь я весь динамитный зарядъ
И везу — запрещенныя мысли!
Что въ мозгу у меня нецензурныхъ идей,
Отъ которыхъ линяютъ короны!
Сколько радостныхъ грезъ, сколько яркихъ огней,
Сожигающихъ царскіе троны!

Паспортъ мой на лицо! Дѣлать нечего вамъ,
А сейчасъ я преступной мечтою
Шахъ и матъ задаю палачамъ-королямъ
И мету ихъ поганой метлою.
Воровской синдикатъ Высочайшихъ орлятъ,
Августѣйшихъ тюремщиковъ своры, —
У меня на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ,
Я надъ ними вершу приговоры.
Невмѣняемый нашъ колонель Николай, —
„Божью милость“ принявъ въ уваженье,
За твою простоту (вотъ ужъ именно въ рай!)
Я дарую тебѣ снисхожденье.
Ты безволенъ душой, головой недвижимъ —
На соблазнъ православному люду,
Ты мамашей забитъ и женой одержимъ —
Ну за что я судить тебя буду?
Дамъ Филиппа тебѣ въ провожатые я, —
И Мещерскаго князя для флёрту,
Маршъ — къ Пайару въ Парижъ, иль въ другіе края, —
Куда хочешь, мой милый, хоть къ чорту!
Лишь подальше отъ насъ. Въ Петербургъ ни ногой,
Чтобъ забывъ свой пріемъ джентельменскій,
Я на общій скандалъ не свершилъ-бы съ тобой
Тоже что съ мужикомъ Оболенскій.

Представляю себѣ этотъ Дантовскій кругъ:
Въ воровствѣ и отважны и быстры,
Какъ чижа, я накрою васъ шапкою вдругъ
Безпардонные наши министры.
На почетное лобное мѣсто впередъ
Ты — предатель, спокойный во гнѣвѣ,
Перекрестъ, либералъ, засѣкавшій народъ,
Вячеславъ Константиновичъ Плеве.
Видишь тѣни героевъ, казненныхъ тобой,
Слышишь вопли забитаго брата?
Ты всему измѣнилъ, чему вѣрилъ душой,
Предалъ все, чему клялся когда-то!
Сергѣй Юльевичъ Витте — Кречинскій у насъ,
Государственный воръ для картины.
Ты въ царевомъ вѣнцѣ самый цѣнный алмазъ,
По тебѣ ахъ какъ плачутъ осины!
Вѣдь предавшій за тридцать рублишекъ Христа
Былъ Іуда — дуракъ безъ кокарды!
Ариѳметика нынѣ у Витте не та,
За Россію ты взялъ милліарды.
Залѣзалъ ты во всякій дырявый карманъ,
Ты за пазухой шарилъ народной,
При тебѣ міроѣдъ толстъ и веселъ, и пьянъ,
Мретъ за то мужиченко голодный!
Много глотокъ крикливыхъ заткнуть ты умѣлъ,
И, какъ Чичиковъ, души скупая.

Ты, какъ шуллеръ, всегда былъ находчивъ
и смѣлъ,
Ванька Каинъ родимаго края.
Фридерикса усы — я замѣтилъ давно,
Намъ съ тобой разбираться не надо;
Стань подъ модный парикъ куаферу въ окно,
Манекенъ ты изъ перваго ряда.
Ты Хилковъ, кочегаромъ въ Америкѣ былъ
И министромъ содѣянъ за это,
Какъ бульдогу тебѣ Витте хвостъ отрубилъ:
Для собаки дурная примѣта!
Министерство твое стало куцымъ затѣмъ,
Денегъ жиже и менѣе спѣси . . .
Остальные сатрапы — да ну ихъ совсѣмъ
Имена ихъ ты Господи вѣси!
Сколько васъ на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ
И въ отдѣльности каждаго вора,
Пока поѣздъ мой мчится, дымитъ и гудитъ,
Я сужу справедливо и скоро.
Какъ родная, безъ васъ измѣнилась страна,
Ночь прошла, и зарей для народа
Поднялась къ небесамъ и красна, и пышна
Вѣчевая, святая свобода!
Чу, гудитъ на Москвѣ нашъ Иванъ-Великанъ:
— Просыпайтеся вольные люди!
И ему ото всѣхъ, отъ безчисленныхъ странъ

И отвѣтъ, и привѣтъ: здравствуй братъ нашъ Иванъ,
Земскимъ вѣчемъ отнынѣ намъ буди!
На всю Русь, на весь міръ пусть твой мѣдный языкъ
И гремитъ и вѣщаетъ народу —
Чтобъ на бой съ старымъ зломъ подымался мужикъ,
Чтобъ опять не проспалъ онъ свободу.
Эй, Иванъ-Великанъ, пусть твой радостный кличъ,
Словно счастья гонецъ и предтеча,
Въ позабытую глушь, въ вѣковѣчную дичь
Пролетаетъ отъ вѣча до вѣча,
Отъ студеныхъ морей въ дивно солнечный край,
Отъ пустынь ледяныхъ въ заповѣдные боры:—
„Просыпайся боецъ, — смѣло цѣпи ломай,
И круши, словно молотъ, — затворы!“

Южный.

Къ студентамъ.

Среди сухихъ, бездушныхъ формалистовъ,
Среди жрецовъ насилія и тьмы,
Средь канцелярщины ученыхъ эгоистовъ
Живемъ мы, пылкіе и юные умы . . .

Другъ друга мы понять никакъ не можемъ
Жалѣть ли намъ объ этомъ господа?
Нашъ путь иной; намъ говорятъ: „онъ ложенъ“.
Нѣтъ, никогда, нѣтъ никогда!
Жалѣть ли намъ, что жизнію рискуя
За правое мы дѣло поднялись?
И всей душою юной негодуя
Мы смѣло за оружіе взялись.
Жалѣть ли намъ, что умъ и сердце наше
Еще не тронулъ пошлой жизни ядъ?
Что правда, равенство, свобода краше
Для насъ чиновъ, отличій и наградъ?
Да, не поймемъ мы никогда другъ друга.
Они для насъ — практичные дѣльцы,
А мы для нихъ рушители порядка,
Мечтатели, наивные юнцы.
Два поколѣнія теперь возстали
Кто побѣдитъ, они иль мы?
Наступитъ ли свободы день желанный,
Или вновь настанетъ царство тьмы?
Друзья, но если бъ даже царство мрака
Вернулось вновь, — надежды не терять!
Борьбою долгой и упорной будемъ
Враговъ своихъ мы побѣждать.

Студентъ.

---

* *
*

Впередъ! За родину друзья, —
За право и свободу!
Въ борьбѣ со зломъ, сомнѣній нѣтъ,
Побѣда намъ — народу!
Мы долго въ мракѣ ночи шли,
Терпѣли всѣ мученья,
Но близокъ, близокъ день, друзья! —
Бьетъ часъ освобожденья.
Возстаньте родины сыны!
Къ оружью! За свободу!
И знайте — въ томъ сомнѣній нѣтъ —
Побѣда намъ народу!
За кровь всѣхъ тѣхъ, кто раньше палъ
Въ святой борьбѣ за право —
Мы отомстимъ! Взойдетъ заря
Подъ заревомъ кровавымъ!
Погибель царству зла и тьмы!
И образъ просвѣтленный
Сквозь дымъ сраженій видимъ мы
Россіи обновленной.
Впередъ! Зовемъ мы всѣхъ къ борьбѣ,
За счастіе народа!
Да здравствуетъ Россія мать!
Да здравствуетъ свобода!

Студентка.

Демонстрація.

Знамя красное ужъ вьется,
Выше, братцы, поднимайте!
Кличъ призывный раздается:
Эй, тѣснѣй ряды смыкайте!

И по улицамъ широкимъ,
Какъ волна могучихъ водъ,
Мы шагнемъ живымъ потокомъ
Все смѣлѣе, все впередъ!

Возвѣстимъ всему народу
Пѣсней звонкою своей
Мы грядущую свободу,
Зорю новыхъ, свѣтлыхъ дней.

Дней безъ слезъ и безъ страданій,
Безъ господъ и безъ рабовъ;
Дней, когда взамѣнъ тираній,
Будетъ братство и любовь.

Гряньте-же, братцы, удалую
Пѣсню громче, веселѣй,
Чтобъ она всю Русь святую
Взбудоражила скорѣй! . . .

Чтобъ народъ весь угнетенный,
Сбросивъ гнетъ своихъ оковъ,
Вдругъ явился пробужденный,
На горячій братскій зовъ.

И исполненъ силъ кипучихъ,
Словно сказочный герой,
Онъ тряхнетъ своей могучей,
Богатырскою главой.

Онъ тряхнетъ — и разомъ грохнетъ.
Тронъ державнаго царя,
И надъ Русью ярко вспыхнетъ
Славной волюшки заря.

Рядовой.

Въ память осады Кіевскаго университета генераломъ Драгомировымъ.

I.

Тамъ, гдѣ Днѣпръ, величья полный,
Въ море шлетъ сѣдыя волны,
Нѣжась въ пышныхъ берегахъ,
Тамъ, гдѣ князь Владиміръ въ воду

Путь указывалъ народу,
Тамъ, гдѣ княжилъ Мономахъ,
Тамъ, гдѣ въ Лаврѣ знаменитой,
Дрянью смрадною набитой,
Обираютъ міръ попы,
Гдѣ во славу всей Россіи
Фабрикуются святые
И плодятся какъ клопы, —
Словомъ, въ Кіевѣ престольномъ,
Лаврой смрадною довольномъ
И грабительствомъ поповъ,
Въ этомъ славномъ градѣ Кія,
Кѣмъ гордится вся Россія
Случай былъ, друзья, таковъ.

II.

Отъ бездѣлья иль отъ скуки
Созданъ былъ тамъ храмъ науки.
То есть университетъ.
Но не ради просвѣщенья:
Въ томъ порукою гоненья
На науку много лѣтъ.
Подвергая пресѣченью
Всякой мысли проявленье,
Молодой либерализмъ,
По приказу тамъ Емели

Врали чушь и не краснѣли,
Восхваляя деспотизмъ.
И расло младое племя —
Для земли пустое бремя,
Да коптители небесъ,
Негодяевъ лишнихъ стай,
Безполезная для края . . .
Только сжалился Зевесъ.

III.

Съ береговъ Невы туманной
Раздался призывъ желанный
Жертвъ злодѣя-палача:
Угнетенная свобода
Всѣхъ сзывала для похода
Противъ царствія бича.
И неслись святые звуки
Въ храмахъ загнанной науки,
Свѣтъ забрезжилъ въ темнотѣ.
Молодая Русь возстала
И девизъ свой начертала:
„Со щитомъ иль на щитѣ!“

IV.

И волною переливной
Долетѣлъ сей кличъ призывный

Въ матерь русскихъ городовъ.
Взволновалъ онъ храмъ науки,
Поднялись въ оковахъ руки,
Дабы сбросить гнетъ оковъ.
Зашумѣла Русь младая,
Свѣтомъ истины пугая
Мракобѣсія жрецовъ, —
Членовъ той позорной шайки,
Что хвалу поютъ нагайкѣ
Хоромъ наглыхъ голосовъ.

V.

Ректоръ — жрецъ достойный мрака, —
Распустивши фалды фрака,
Къ Драгомирову бѣжитъ:
Полный страха и смятенья,
О студенческомъ движеньи
Онъ воякѣ говоритъ.
Проситъ именемъ всей шайки
Постоять за честь нагайки
Силой пушекъ и штыковъ,
Чтобъ, внушивъ къ кнуту почтенье,
Усмирить скорѣй волненье
Либеральныхъ молодцовъ.
Но воякѣ, безъ сомнѣнья,
Показалось предложенье

Смѣхотворной чепухой.
„Мнѣ-ль“, воскликнулъ онъ, „герою
Брать науки храмы съ бою!
Мнѣ-ль, съ моею сѣдиною,
Нажитой въ бояхъ съ врагами,
Награжденному чинами
За побѣды здѣсь и тамъ,
Вдругъ начать играть въ игрушки,
Посылать солдатъ и пушки,
Съ бою брать науки храмъ!
И притомъ наука — дама . . .
На себя такого срама
Не могу я принимать;
Я — герой, царемъ почтенный,
Сѣдинами убѣленный,
Мнѣ-ли съ бабой воевать?
Ха, ха, ха“ — Герой залился —
Ректоръ видимо смутился
И скорѣе утекать,
А министру только пишетъ:
„Драгомировъ глухъ — не слышитъ
И не хочетъ понимать.
Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата,
Я героя умолялъ,
Онъ же рѣчь завелъ о дамѣ,

О какой — спросите сами,
Ибо онъ мнѣ не сказалъ.
Очевидно старичишка
И послѣдній-то умишко
На сраженьяхъ потерялъ".
Вняли ректора посланью;
И министра приказанье
Къ Драгомирову летитъ:
„Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата!" —
Приказаніе гласитъ.
И герой безъ замедленья
Исполняетъ порученье:
Храмъ науки съ бою брать,
Смѣло съ бабой воевать.
Вырвавъ клокъ волосъ съ досады,
Двинулъ онъ свои громады —
Силу пушекъ и штыковъ.
Размѣстилъ все войско стройно
И стоитъ себѣ спокойно,
Къ нападенію готовъ:
Ждетъ геройски супостата,
Но, увы! безъ результата.
Ждетъ онъ день и ждетъ другой —
Непріятеля не видно.
„Это-ль, право, не обидно!"

Мыслитъ старенькій герой,
Отъ обиды еле дышитъ
И министру тотчасъ пишетъ
Лаконическій отвѣтъ:
„Занятъ постъ. Готовъ и къ бою,
Какъ и слѣдуетъ герою,
Непріятеля же нѣтъ!“
И за это донесенье
Получилъ онъ назначенье,
Заграницей погулять,
Чтобъ министра понимать.

Здѣсь въ шутливо-стихотворной формѣ передается истинное происшествіе.

Драгомировъ, исполняя требованіе министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительно, двинулъ къ университету 4 баталіона и 6 пушекъ и расположился здѣсь лагеремъ; даже самъ поселился въ палаткѣ . . . и телеграфировалъ въ Питеръ, что войска готовы къ бою, ждутъ только непріятеля. Онъ, говорятъ, вообще большой шутникъ. А Горемыкинъ принялъ шутку въ серьезъ и уговорилъ „Емелю“ въ наказаніе послать Драгомирова на два мѣсяца заграницу.

ДОЗНАНІЕ*).

(Сказка.)

До грозной Щуки вѣсть дошла, —
Доносчикамъ рѣчнымъ хвала! —
Что, дерзкимъ воспылавъ задоромъ,
Карасъ задумалъ заговоромъ
Искоренить весь щучій родъ.
„Что скажетъ добрый нашъ народъ
Про этихъ бунтарей коварныхъ,
Безбожниковъ, неблагодарныхъ!
Не Богъ ли власть намъ, щукамъ, далъ
Надъ всѣми рыбами въ рѣкахъ?
Ахъ, онъ, проклятый радикалъ!
Онъ завтра-жъ будетъ въ кандалахъ!
И я клянуся головою,
Что этотъ заговоръ раскрою!“
Такъ наша Щука вопіетъ
И Карася къ себѣ зоветъ.
Карась былъ бунтовщикъ отважный, —
Онъ не сробѣетъ предъ судомъ;
Послѣдствія ему не важны . . .
Онъ молитъ Бога объ одномъ,

*) Авторъ — заключенный въ Петропавловской крѣпости.

Чтобъ заговоръ открыться бы не могъ;
Карась былъ честенъ — видитъ Богъ!...
— „Свою виновность отрицать,
Карась, Вы будете едва-ли?“
— „Почтительно прошу сказать,
За что меня арестовали?“
У Щуки точныхъ данныхъ нѣтъ,
Но говоритъ она въ отвѣтъ:
— „Любезнѣйшій, я очень уважаю,
Да было бъ то извѣстно Вамъ,
Всѣхъ тѣхъ, кого я привлекаю
По политическимъ дѣламъ!
Хотѣла бъ всей душой своей
Окончить слѣдствіе скорѣй;
Вы сами тормозите дѣло!
Вы разсказать должы мнѣ смѣло
О всемъ. Я другъ Вамъ, а не врагъ!
Не слушайте всѣхъ рыбьихъ вракъ!
Вы скажете мнѣ: „отрицаю!“
Но я то, вѣдь, отлично знаю,
Что Вы замѣшаны кой въ чемъ,
Конечно, очень въ небольшомъ . . .
Но, слыша Ваши отрицанья,
Я прилагаю всѣ старанья,
Чтобы улики подыскать,
И можетъ быть. . . Кто-жъ можетъ знать!

При этомъ можетъ, вѣдь, открыться,
Что мнѣ теперь во снѣ не снится;
А кто заставилъ насъ копаться? . . .
Нѣтъ, лучше Вамъ самимъ сознаться,
Любезнѣйшій мой карасекъ"! . .
— „Тебя надую, куманекъ!
Я на себя вину приму,
Но цѣлый заговоръ спасу . . .
Я прокламаціи читалъ!"
Карась подумавши сказалъ.
— „Ну, а знакомы-ли съ Ершомъ?"
— „Коли скажу, что не знакомъ,
Возникнутъ хуже подозрѣнья;
Сознаться лучше, безъ сомнѣнья . . .
Я съ молоду его зналъ
И часто у него бывалъ!"
— „Гдѣ видѣлись въ послѣдній разъ?"
— „Конечно, прослѣдили насъ;
Да и не станутъ гнать козявку!"
Карась тотчасъ назвалъ Селявку.
— „У ней недавно вмѣстѣ были
И за здоровье Ваше пили;
Болтали долго всякій вздоръ —
Невинный самый разговоръ;
Что-бъ показать, что онъ таковъ,
Я приведу десятокъ словъ . . ."

И Щукѣ разсказалъ Карась
Какъ онъ, къ Селявкѣ обратясь,
Сказалъ, что онъ у береговъ
Недавно видѣлъ рыбаковъ.
Тотчасъ-же Щука шлетъ приказъ
Ерша съ Селявкой тайно взять.
— „Я научу, мерзавцы, Васъ,
Какъ заговоры затѣвать!“
Ершъ взятъ на мѣстѣ преступленья:
Онъ весь, отъ ногъ до головы,
Одѣтъ какъ будто для сраженья —
Не скрылъ онъ ни одной иглы.
— „Зачѣмъ оружіе хранили,
Скажите, Ершъ, Вы у себя?“
— „Такъ предки всѣ мои ходили,
Порода такова моя!“
— „Но для спокойствія опасно
Хранить оружье у гражданъ;
И ужъ, конечно, не напрасно
Былъ циркуляръ объ этомъ данъ!“
— „А какъ его я могъ читать?
Я жилъ одинъ въ глуби затона . . .“
— „Никто не можетъ оправдать
Себя незнаніемъ закона!
Но къ сожалѣнью не въ одномъ,
Васъ обвиняютъ также въ томъ,

Что тайно вы образовали
Сообщество, и что желали
Произвести переворотъ
Въ порядкахъ мирныхъ здѣшнихъ водъ;
Я ужъ давно веду дознанья . . .
Вотъ здѣсь всѣ эти показанья!
Детали всѣ ужъ знаю я.
Вы можете вину свою
Сознаньемъ облегчить . . .“ — „Себя
Виновнымъ я не признаю!“
— „А между тѣмъ ужъ нѣтъ сомнѣнья,
Что Вы свершили преступленья!
И Ваши многіе друзья
Сознались; въ томъ клянусь Вамъ я;
Вотъ Вамъ . . .“ и Щука прочитала
Все, что отъ Карася узнала.
„А, значитъ предалъ онъ, подлецъ!“
Вскричалъ обманутый боецъ:
„Ужъ видно показанья честны,
Коли и мелочи извѣстны!“
Ему и въ мысли не прійди,
Что только мелочи одни.
„Такъ знайте-жъ: да, весь этотъ строй
Съ его мертвящею нуждой
И съ деспотизмомъ Вашимъ гнуснымъ
Я презираю! Вамъ послушнымъ

Не буду! Да, мы замышляли!
Но отыскать насъ всѣхъ едва-ли
Удастся Вамъ! Карась предать
Хотѣлъ, но онъ не могъ назвать,
Кто третій съ нами былъ тогда,
И не узнать Вамъ никогда!"
— „А! значитъ трое Васъ, друзь!"
Смекнула Щука про себя
„ . . . И если-бъ Вы меня пытали,
Вы ничего бы не узнали! . . ."
Селявка чуть не обмерла,
Когда была приведена.
Клялась святыми, небесами,
Она преступными дѣлами
Не занималась и не знала,
За что въ тюрьму она попала.
— „Да, тяжки наши обвиненья;
Къ Вамъ быть не можетъ снисхожденья:
Вѣдь Вы стояли во главѣ,
Все это, вѣдь, извѣстно мнѣ!"
— „Но мнѣ-ли, мнѣ-ль, Селявкѣ малой
Такою тѣшиться забавой?
И кто-бы слушать сталъ меня?
Свидѣтель Богъ — невинна я!"
— „Эхъ, дура, дура! Вижу сразу;
Но прежде я тебя поглажу!

О, нѣтъ! Напрасно Вы такъ скромны, —
Вы образованы, способны;
Я это вижу по всему,
Дивлюсь я Вашему уму!
И всѣ товарищи твердятъ,
Что Васъ они боготворятъ!“
—„Но кто же, кто?!“—„Ну, Ершъ, Карась!..“
Сказала Щука, горячась.
„Ну, да . . . прибавила она,
Какая-бъ ни была вина,
Пока еще не будетъ поздно,
Исправить это дѣло можно;
При томъ условіи, конечно,
Что Вы сейчасъ чистосердечно
Свои ошибки объясните!“
— „Я рада; въ чемъ онѣ, скажите!“
— „Въ квартирѣ Вашей какъ-то было
Собранье . . .“ — „Право, я забыла! . . .“
— „Былъ Ершъ, Карась, а третій кто?
Вы намъ должны назвать его,
Или поплатитесь сама! . . .“
Селявка назвала Сома . . .
Но я не точенъ! По прозванью
Она не знала звать его,
И Щука лишь по описанью
Врага узнала своего,

„Скажите! Сомъ! И кто бъ узналъ,
Что онъ опасный радикалъ?
Подумать это просто больно!
Ему ли не жилось привольно?“—
Онъ лично Щукѣ былъ знакомъ
И самъ жилъ маленькимъ князькомъ! —
Но время нечего терять,
Сома пришлось арестовать.
И что-же, что-же оказалось?
Въ его квартирѣ сохранялось
Все, что всего было важнѣй
Для заговорщиковъ-вождей:
И около двухсотъ страницъ
Документовъ, и списки лицъ,
Которымъ можно довѣрять
И порученія давать.
Что-же? выборъ былъ не плохъ:
Сома кто-жъ заподозрить могъ?
И если-бъ не попуталъ грѣхъ
Ерша и Карася, то . . . Эхъ!
Да въ томъ-то, вѣдь, и вся бѣда
Бываетъ Ваша, господа!
Вы честны, смѣлы — грѣхъ сказать,
Но не умѣете смолчать! . . .

Пескарь.

УТРАТА.

Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
Работникъ Яковъ молодой.
Старикъ-отецъ все ждалъ и ждалъ,
Нейдетъ ли сынъ его домой.
Но сынъ не шелъ . . . Нѣтъ больше силъ!
Изныло сердце старика.
Тяжелый страхъ его давилъ:
Съѣдала тайная тоска.
„Мой сынъ!“ Нигдѣ, ни у кого
Не находилъ его старикъ.
„Здѣсь нѣтъ ли сына моего?“
Твердилъ одно его языкъ:
„Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
„Мой сынъ, мой Яковъ дорогой . . .
„Скажите, кто его встрѣчалъ?
„Скажите, гдѣ-же Яковъ мой?“
Но всѣ молчатъ предъ старикомъ . . .
Вдругъ кто-то крикнулъ: „онъ въ тюрьмѣ!“
И мысль, внезапная какъ громъ,
Мелькнула вдругъ въ его умѣ.
„Впередъ, скорѣй!“ И онъ спѣшитъ,
Стучится, просится въ тюрьму.
„Пустите!“ — стражѣ говоритъ, —
„Пустите къ сыну моему . . .

„Онъ здѣсь, за этою стѣной,
„Мой сынъ, мой Яковъ дорогой!“ . . .
Но грубъ и рѣзокъ былъ отвѣтъ:
„Ступай назадъ! Здѣсь сына нѣтъ!“
Тогда старикъ, что было силъ,
Скорѣй къ жандармамъ поспѣшилъ . . .
Невольнымъ ужасомъ объятъ
И злымъ предчувствіемъ томимъ,
Онъ въ нихъ вперилъ безумный взглядъ
И говорилъ безсвязно имъ:
„Онъ здѣсь, онъ живъ, онъ невредимъ?
„Неправда-ль, я найду его?
„Скажите: да? Скажите, съ нимъ
„Тутъ не случилось ничего?
„О посмотрите! Я въ огнѣ,
„Я весь измучился душой . . .
„Я старъ и слабъ . . . Скажите мнѣ,
„У васъ ли, живъ ли Яковъ мой?“
— „Ступай назадъ!“ — гремитъ отвѣтъ:
„Сынъ до двѣнадцати лишь лѣтъ
„Твоимъ считался, — а потомъ
„Ужъ мы заботимся о немъ.
„Онъ нашъ. Ступай!“ И старика
Схватила звѣрская рука
И грубо вытолкнула вонъ . . .
И вновь къ себѣ вернулся онъ,

Гдѣ, наконецъ, въ кругу друзей
Добился правды роковой:
Руками подлыхъ палачей
Замученъ Яковъ молодой.
Какъ звѣри лютые они
Въ тюрьмѣ бросались на него,
Морили голодомъ всѣ дни
И жаждой мучили его.
Онъ изнемогъ, бродилъ, какъ тѣнь
И молча пытки выносилъ.
Но, наконецъ, на пятый день
Ударилъ въ дверь, что было силъ.
„Воды! кричалъ онъ имъ, — скорѣй!“
И вотъ мучители его,
Какъ псы голодные съ цѣпей,
Сорвались прямо на него
И въ тѣло бѣдное впились,
И били, били безъ конца,
Покуда всласть не напились
Ихъ кровожадныя сердца,
Покуда онъ въ рукахъ у нихъ
Весь трепеталъ отъ ранъ и мукъ,
Покуда къ ночи не затихъ
Въ его груди послѣдній звукъ . . .
А ночью . . . бережно . . . во тьмѣ
Его на кладбище свезли,

Сказавъ, что мертваго нашли,
Что онъ повѣсился въ тюрьмѣ . . .
Туда бросается старикъ.
„Пустите!“ — молитъ онъ съ тоской:
„Здѣсь сынъ мой, Яковъ дорогой!“
Но сторожъ мраченъ и суровъ
И гонитъ прочь безъ дальныхъ словъ.
„Ступай назадъ!“ — онъ говоритъ, —
„Здѣсь только мертвымъ входъ открытъ!“
— „Ступай!“ — твердитъ за нимъ старикъ,
Не понимая ничего.
И вдругъ безумный, страшный крикъ
Изъ сердца вырвался его.
А вслѣдъ за нимъ раздался смѣхъ,
Потомъ рыданіе . . . А потомъ
Безумный спрашивалъ у всѣхъ
О бѣдномъ Яковѣ своемъ . . .
Вездѣ, кого бы не встрѣчалъ
Тоской измученный старикъ,
Съ тревогой тайною шепталъ,
Твердилъ одно его языкъ.
Глубокой грустью у него
Всегда горѣлъ безумный взоръ:
„Здѣсь нѣтъ ли сына моего?“
Онъ всюду спрашивалъ съ тѣхъ поръ.

Орина, мать солдатская.

День-деньской моя печальница,
Въ ночь — ночная богомолица,
Вѣкова моя сухотница . . .
(Изъ народной пѣсни.)

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Славу Богу, добираемся.
— Вотъ и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! Пустая это думушка!
Посѣтила ли кручинушка?
Молви — можетъ, и размыкаю. —
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.
— Восемь лѣтъ сынка не видѣла;
Живъ ли, нѣтъ — не откликается,
Ужъ и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается.
Вышло молодцу въ безсрочные . . .
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сынъ больнехонекъ:
Ночью кашель бьетъ солдатика,
Бѣлый платъ въ крови мокрехонекъ . . .
Говоритъ: „поправлюсь, матушка!“
Да ошибся — не поправился;
Девять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день преставился . . .
Замолчала — не прибавила
Ни словечка безталанная.
— Да съ чего же привязалася
Къ парню хворость окаянная?
— Хилый, что-ли, былъ съ рожденія? . . .
Встрепенулася Оринушка:
„Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!
Подивился самъ изъ Питера
Генералъ на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣтаго . . .
На избенку эту бревнушки
Онъ одинъ тоскалъ сосновыя . . .
И вилися у Иванушки
Русы кудри, какъ шелковыя.“
И опять молчитъ несчастная . . .
— Не молчи — развѣй кручинушку!

Что сгубило сына милаго —
Чай, спросила ты дѣтинушку? —
„Не любилъ, сударь, разсказывать
Онъ про жизнь свою военную:
Грѣхъ мірянамъ-то показывать
Душу — Богу обреченную!
Говорить — гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать . . .
Чтобъ не молвитъ слова лишняго,
На враговъ не подосадовать,
Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ христіанину.
Знаетъ Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!
Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ, умираючи.
Тихо по двору похаживалъ
Да постукивалъ топорикомъ,
Избу ветхую облаживалъ,
Огородъ обнесъ заборикомъ;
Перекрыть сарай задумывалъ.
Не сбылись его желанія:
Слегъ — и всталъ на ноги рѣзвыя,
Только за день до скончанія!

Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ, — пошла я съ Ванею,
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.
Сѣнокосомъ шелъ — задумался.
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости! . . .
И заплакалъ мой Иванушка!
Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ, что было голосу:
— „Не бѣлы снѣжки . . .“ закашлялся,
Задышался — палъ на полосу!
Не стояли ноги рѣзвыя.
Не держалася головушка!
Съ часъ домой мы возвращалися . . .
Было время — пѣлъ соловушка!
Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною,
Служба эта представлялася.
Ходитъ, чиститъ амуницію:
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ — такія хватскія!
Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишко вздрагивалъ;

Какъ журавль, стоялъ на ноженькѣ
На одной — носокъ вытягивалъ
Вдругъ — метнулся ... Смотритъ жалобно ...
Повалился — плачетъ, кается,
Крикнулъ: „ваше благородіе!“
„Ваше! . . .“ вижу — задыхается,
Я къ нему. Утихъ, послушался —
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе? . . .
Къ утру память воротилася,
Прошепталъ: „прощай, родимая!
Ты опять одна осталася! . . .“
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попращалася,
И погасъ онъ, словно свѣченка
Восковая, предъиконная . . .“
Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная! . . .“

Н. А. Некрасовъ.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Д-ръ ЛЕО.

ПОЧЕМУ и КАКЪ

МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ

КЪ АНАРХІИ?

Цѣна 2 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Д-ръ Пауль Эльцбахеръ,
приватдоцентъ.

Анархизмъ

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Цѣна 5 мар.